

ГЛАВА 1

День, когда Хэтти Браун утянуло сквозь холодильник, был тем самым днём, когда всё в доме начало пропадать. И очередным днём, когда ей пришлось уговаривать мать поесть.

Часы на стене кухни показывали, что время обеда давно истекло, но мать Хэтти так и сидела, не сдвинувшись с места. Перед ней лежал наполовину исписанный лист бумаги. В кулаке была зажата ручка, но она даже не шевелилась. Часы прямо у неё над головой подсказали Хэтти, что мать просидела в этой самой позе, даже не шелохнувшись, почти пять минут.

— Мам, — строго сказала Хэтти.

Когда мать делалась такой, с ней лучше было держать себя сурово.

Статуя, в которую превратилась Стелла Браун, не отвечала.

— Мам... пора есть.

На этот раз мать положила ручку. Медленно. Очень медленно. И посмотрела на дочь.

— Я не голодна, — ответила она голосом, из которого словно выжали всю радость.

— Тебе надо поесть.

Хэтти принялась развязывать узел на полиэтиленовом пакете с хлебом. Девочка достала один ломтик и положила его на тарелку.

— Арахисовое масло, джем или сыр? — спросила она, оглянувшись через плечо и открывая дверцу холодильника.

Раздался какой-то звук. Однако рот матери не двигался. Да и вообще звук не напоминал тот, какой могла бы издать мать. Он смахивал на шарканье. И вроде бы исходил откуда-то из холодильника.

— Арахисовое масло, джем или сыр? — предприняла очередную попытку Хэтти и повернулась к холодильнику. — Мам, с чем ты хочешь бутерброд?

— Всё равно. С чем угодно.

Девочка стиснула зубы. Это говорила Хмурь, а не мать. Когда Хмурь отпускала её, матери Хэтти было очень даже не всё равно, что есть. Шоколадное печенье могло исчезнуть у неё во рту в два укуса. И ей случалось сделать километровый крюк ради торта. Но Хмурь лишала её вкусовых рецепторов вместе с улыбкой.

— Я намажу тебе сыра. — Когда Хэтти протянула руку к холодильнику, на средней полке что-то шевельнулось.

Нет, это невозможно. Она наморщила лоб и посмотрела ещё раз. Наверное, подсветка холодильника мигнула, вот ей и почудилось.

Девочка взяла с полки маслёнку, которая оказалась пуста, если не считать крохотного мазка на бортике. Но Хэтти совсем недавно положила туда новый кусок. И была в этом практически уверена. Она застыла с маслёнкой в руке, задумавшись, не достать ли её, чтобы потом помыть, когда услышала новый звук. Вроде резкого вдоха. Может, мышшь забралась внутрь? Или холодильник забарахлил? Он начал издавать престранные звуки. Вот только поломки не хватало, когда мать в таком настроении.

Хэтти положила маслёнку обратно и потянулась к сливочному сыру. Во всяком случае, если она намажет сливочный сыр, то и не важно, что у них не осталось масла.

Она закрыла дверцу холодильника и сделала два бутерброда. Когда белые зубы матери сжали белый хлеб, Хэтти поняла свою ошибку. Такая блёкая, призрачная еда никого не развеселит.

Но челюсти матери всё же шевелились. Потребовалось три медленных циклических движения, прежде чем белая еда сделала своё дело и вернула мать в этот мир. Она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась совсем слабой.

— Тебе нужно позвать к нам друзей, — сказала она слишком уж делано-счастливым голосом.

— У меня нет друзей, — мгновенно отозвалась Хэтти.

И это было почти правдой, только проблема, скорее, заключалась в том, что Хэтти не осмеливалась заводить друзей, боясь, что они узнают о таких вот днях.

— У всех есть друзья.

— Только не у меня. Они мне не нужны.

Новое облако грусти омрачило лицо матери, и Хэтти тотчас пожалела, что огрызнулась.

— Что там у тебя написано? — спросила девочка, чтобы не дать ей снова уйти в себя.

— Я составляла список.

— Список чего?

— Вещей, которые пропадают.

Хэтти уже заметила, что вещи начали пропадать. Но решила ничего не говорить. Стелла Браун не любила тайны. От них она становилась ещё тревожнее, чем обычно.

— Зелёное полотенце для рук исчезло. И мой голубой топ. И твой шарф, — ответила она. — И твои новые школьные туфли. И твой рюкзак. И мои перчатки. И твои носки. Всё это потерялось.

Женщина подозрительно поглядела на дочь.

— Ты их переложила? — это прозвучало полубвинением и полувопросом.

— Нет.

— Ну и я нет.

На мгновение девочка задумалась, не лучше ли ей притвориться, что именно она переложила вещи, чтобы мать не волновалась. Но она знала: в конечном счёте это не поможет. Мать потребует, чтобы она вернула туфли, шарф и носки на место, чего Хэтти сделать не сможет, поскольку тоже не знает, где они.

— И масло, — продолжала мать, — оно пропадает из холодильника. ТЫ, должно быть, его съедаешь.

Она махнула шариковой ручкой в сторону дочери.

Значит, и она заметила исчезновение масла. Получается, мать его не съела. А если это не Хэтти и не её мать, то кто? Кроме них, в доме никого не было.

— Ты съела масло? — спросила Стелла Браун.

Хэтти затрясла головой, и пенное облако волос качнулось.

— Тогда я добавляю масло к списку пропавших вещей, — произнесла мать.

Она утомлённо пересекла кухню.

— Список будет висеть здесь, пока мы не найдём вещи.

Мать взяла магнитик и прищёпнула лист к холодильнику. Хэтти за весь день не видела, что-

бы она проявила такую твёрдость. Кулак Стеллы Браун стукнул в дверцу.

— Осторожней.

Хэтти вытаращилась на холодильник. Когда мать ударила по дверце, он заговорил. Девочка посмотрела на мать. По выражению её лица было очевидно, что и она услышала голос. Но это невозможно. Холодильники не разговаривают.

— Ты слышала? — спросила мать.

— Вроде бы, — ответила Хэтти.

Она не хотела подставляться. Потому что ведь это и правда невозможно, да?

— Что-то не так.

Мать поколебалась, затем аккуратно открыла дверцу холодильника и заглянула внутрь. Хэтти смотрела, как она осматривает полки, медленно поворачивая голову.

— Здесь ничего, — заметила мать. — Должно быть, что-то с мотором. — И она закрыла дверцу. — Я устала. Думаю, я прилягу ненадолго, — обратилась она к Хэтти, выходя из кухни.

Девочка проводила её взглядом, скрестила пальцы и мысленно велела матери заспать дурное настроение. Только бы это не оказался один из тех случаев, когда Хмурь так завладевала матерью, что Стелла Браун всё глубже и глубже погружалась в себя, словно у неё в груди зияла дыра, которая засасывала её.

Хэтти вздохнула, взяла баночку сливочного сыра и открыла холодильник, чтобы убрать её. На сей раз она увидела того, кто метнулся. Она моргнула, не веря собственным глазам, и успела проговорить:

— Это сл...

Затем что-то утянуло её внутрь холодильника — и за его пределы.

ГЛАВА 2

За пределами холодильника было очень запре-
дельно. Настолько запредельно, что Хэтти по-
казалось, что глаза вжались в глазницы. Настолько
запредельно, что коленки чуть не согнулись в обрат-
ную сторону. Настолько запредельно, что пупок едва
не развязался. «Не развязывайся, — подумала девоч-
ка. — В этой странной суматохе, тянущей и толка-
ющей моё тело вдоль и поперёк, только ты небось
и удерживаешь мои внутренности на месте».

Она закрыла глаза, перекувырнувшись тем вре-
менем ещё три раза. Продолжая вращаться, Хэтти
вспомнила, что за миг до того, как всё началось, она
вроде видела крохотного слона, сидящего на мас-
лёнке. И вверхтормашковое чувство, от которого
у неё кололо руки и ноги и мурашки бежали кру-
гом по ушам, возможно, как-то связано со слоном.

— Держись. Мы почти на месте, — услышала
она голос, а затем что-то дёрнуло её за руку, едва
не вырвав ту из сустава.

— Приготовься. Приземления всегда ухаби-
стые, — продолжал голос.

Он, вероятно, добавил что-то ещё, но свист ветра в ушах унёс прочь все остальные звуки. Затем, словно что-то ушло у неё из-под ног, Хэтти кувыркком полетела на землю и шлёпнулась как раз мягким местом.

— Ох!

Хэтти подождала, чтобы убедиться, что всё закончилось. А когда решила, что таки да, и её кулон (она прямо чувствовала это) перестал вращаться вокруг шеи, она снова сказала: «Ох».

— Ты в порядке? — голос вернулся.

— Кажется, да.

Хэтти решила, что теперь, наверное, можно открыть глаза. И распахнув их, она поняла, что сидит посреди огромного всплеска рыжей пыли. Перед ней, обхватив хоботом её запястье, стоял слон. Но это был не тот слоник, которого она видела в холодильнике, а...

— Большой слон, — сказала она, отметив, как ошалело прозвучал её голос.

Слон повёл хоботом, освобождая её. Хлопая ушами, протопал к дереву, которое росло на лесной опушке. Как ленты на майском дереве¹,

¹ Дерево, украшенное лентами и гирляндами (иногда — декорированный столб). Майское дерево устанавливают в деревнях и городах Европы к первому мая, на Троицу или же на Иванов день (Иван Купала — день, посвящённый летнему солнцестоянию). (Прим. ред.)